

4° A. lat. b. 800 L 20

МАРКЪ ТЕРЕНЦІЙ
ВАРРОНЪ РЕАТИНСКІЙ
И
МЕНИПОВА САТУРА.

И. Помяловскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

МАРКЪ ТЕРЕНЦІЙ

ВАРРОНЪ РЕАТИНСКІЙ

И

МЕНИПШОВА САТУРА.

И. ПОМЯЛОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1869.

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимирской церкви, д. № 15,
контр. № 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Глава I.	стр.
Очеркъ жизни Марка Теренція Варрона	1
Глава II.	
Литтературная дѣятельность Варрона	40
Глава III.	
Варронъ поэтъ. Мениппова сатура	160

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Вопросъ о литературной дѣятельности Варрона, знаменитаго полигистора древности, съ недавняго времени возбуждалъ особенное вниманіе Западныхъ ученыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, при той возбужденной дѣятельности, которую Западная наука прилагаетъ къ разработкѣ явленій древняго міра вообще и Римской старины въ частности, странно было бы видѣть невниманіе къ одному изъ замѣчательнѣйшихъ явленій Римской духовной жизни конца республики. Но, при всемъ своемъ интересѣ, вопросъ о Варронѣ и его произведеніяхъ представляетъ громадныя, нерѣдко совершенно непреодолимыя трудности. Эти трудности частью зависятъ отъ количества, частью отъ качества матеріала. 1-ое, что останавливаетъ изслѣдователя, приступающаго къ занятію Варроновскимъ вопросомъ—это крайняя скудость остатковъ изъ его сочиненій, въ сравненіи съ тѣмъ, что, по единогласному свидѣтельству древности, оставилъ послѣ себя этотъ въ высшій степени трудолюбивый и плодовитый писатель. Съ другой стороны, самые отрывки, сообщаемые большею частію писателями позднѣйшими, особенно грамматиками,—которые искали въ нихъ интереса чисто словарнаго,—помимо ненадежности дипломатическаго преданія, нерѣдко до такой степени коротки, что не представляютъ никакого смысла. Затѣмъ, есть весьма много

фрагментовъ, которые, хотя заимствованы изъ Варрона, но неизвѣстно—изъ какого его сочиненія ¹⁾). Таковъ матеріалъ для опредѣленія и характеристики литературной дѣятельности Варрона; кромѣ своей незначительности, онъ представляетъ не мало затрудненій и при своемъ собираніи; желающему ознакомиться съ нимъ, хотя бы лишь поверхностно, приходится имѣть дѣло съ огромнымъ количествомъ писателей самаго разнообразнаго свойства; поэты, историки, грамматика, Христіанскіе отцы церкви, средневѣковые компиляторы—должны быть тщательно пересмотрѣны, не по индексамъ, какъ это нерѣдко бываетъ, но въ самихъ ихъ сочиненіяхъ, потому что кому не безъизвѣстно, какъ составлялись прежде, и нерѣдко составляются теперь указатели къ древнимъ авторамъ?—этою трудностью собиранія отрывковъ Варрона и объясняется, между прочимъ, то явленіе, что доселѣ мы не имѣемъ ни одного, хоть сколько нибудь удовлетворительнаго собранія фрагментовъ нашего писателя; прежнее, начатое еще въ XVI в. Авзоніемъ Попомою и пересмотрѣнное и дополненное Бипонтинцами, остается единственнымъ, до сихъ поръ ничѣмъ лучшимъ не замѣненнымъ.—Таковъ матеріалъ. Но какъ же его разработывали и продолжаютъ разработывать на Западѣ? Какіе вопросы можно приложить къ нему съ надеждою получить хоть сколько нибудь удовлетворительный отвѣтъ?—Въ ходѣ нашего труда мы неоднократно будемъ имѣть случай говорить обстоятельнѣе объ этомъ предметѣ; здѣсь же ограничимся только слѣдующими заявленіями:

1) Методъ, съ которымъ приступила Западная наука къ разработкѣ нашего вопроса—методъ конъектуральный (относительно текста) и субъективный (относительно комбинаціи отрывковъ) несостоятеленъ, и не можетъ привести ни къ какимъ точнымъ результатамъ. Предположеніе должно имѣть мѣсто и значеніе лишь тогда, когда оно находится въ

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. стр. 43.

выводъ, сдѣланномъ изъ матеріала т. с. осязательнаго, провѣреннаго критически; когда же оно само возводится на степень матеріала, то, естественно, можетъ дать только прозрачные, ни на чемъ твердомъ не основанные выводы.

2) Вопросы, которые думаетъ разрѣшить Западная наука относительно Варрона и его литературной дѣятельности, на основаніи имѣющагося матеріала, слишкомъ широки, и никакъ не сообразны съ данными, которыя мы имѣемъ для ихъ рѣшенія. Думаютъ, что возможна характеристика литературной дѣятельности Варрона, что возможно узнать въ подробности отношеніе его трудовъ къ трудамъ предыдущимъ и т. п.—на основаніи чего же? на основаніи небольшого (сравнительно) количества фрагментовъ, составляющаго незначительную долю того, что утрачено.

3) Самое собраніе отрывковъ и ихъ критическую обработку Западная наука не ведетъ съ надлежащей осматрительностью и осторожностью.—Не довольствуясь собираніемъ и сопоставленіемъ отрывковъ, положительно переданныхъ древностью съ именемъ Варрона, ученые стараются извлечь изъ сочиненій писателей позднѣйшихъ и такіе отрывки, которые, не нося имени Варрона, но представляя или сходство съ нѣкоторыми другими его отрывками, или поражая своею ученостью, невстрѣчаемою у позднѣйшихъ компиляторовъ, кажутся заимствованными изъ сочиненій знаменитаго полигистора.—Какъ шатокъ и не состоятеленъ такой приѣмъ, видно съ перваго раза. Уже не говоря о томъ, что сходство мыслей или даже выраженій не доказываетъ ровно ничего (ибо развѣ нельзя его объяснить заимствованіемъ изъ одного общаго источника?), что мы выигрываемъ отъ такого произвольнаго выдергиванія отрывковъ? Неужели изъ нихъ можно допустить какіе нибудь выводы?

Но что же сдѣлала Западная наука для нашего вопроса, помимо шаткости и неубѣдительности метода изслѣдованія? Заслуги ученыхъ, занимавшихся Варроновскими изслѣдованіями, безспорно велики относительно сбора матеріала, мѣткихъ сопоставленій, выказывающихъ огромную доктрину,

и отчасти относительно выводов—но только въ трудахъ немногихъ ученыхъ, и то отчасти.

Съ какимъ же матеріаломъ и методомъ приступили мы къ нашему изслѣдованію? Въ своей задачѣ, не имѣя цѣлю, посредствомъ новыхъ комбинацій и выводовъ, основанныхъ на предположеніяхъ, выяснить нѣкоторые изъ множества темныхъ и нерѣдко неразрѣшимыхъ вопросовъ, но стремясь поставить свои изслѣдованія на почву, сравнительно болѣе твердую, мы, уже по этому самому, не могли удовольствоваться не полнымъ и небрежнымъ относительно текста, собраніемъ фрагментовъ Варрона, сдѣланнымъ Бипонтинцами; мы сами пересмотрѣли, по возможности, большую часть писателей, пользовавшихся сочиненіями знаменитаго полигистора; само собою разумѣется, что при этомъ пересмотрѣ мы могли пропустить нѣкоторыхъ авторовъ, могущихъ дать новые отрывки Варрона—особенно авторовъ времени позднѣйшаго, равно какъ могли проглядѣть и въ пересмотрѣнныхъ нами писателяхъ не мало, можетъ быть, даже важныхъ отрывковъ. Но, съ одной стороны—громадность задачи, врядъ ли могущей быть по силамъ одному лицу, съ другой же—ограниченность времени, даннаго для срочной работы, позволяютъ автору надѣяться, что эти недосмотры, возможные при каждомъ трудѣ, не будутъ ему сочтены въ вину, тѣмъ болѣе, что онъ свой трудъ не имѣетъ претензіи считать за окончательное слово въ данномъ вопросѣ; онъ на него смотритъ, какъ на предварительную общую работу, изъ которой, впослѣдствіи, могутъ являться другія, болѣе спеціальныя. Окончательнымъ свой трудъ авторъ не можетъ считать уже и потому, что, будучи поставленъ мѣстными условіями въ необходимость ограничиваться печатными текстами экцерпированныхъ имъ писателей, онъ не могъ представить текстъ фрагментовъ въ томъ видѣ, какой онъ долженъ имѣть, при приложеніи къ нему требованій разумно-консервативной критики дипломатическаго преданія. — Недостатокъ провѣрки текста на основаніи точнаго сличенія рукописей особенно чувствителенъ въ послѣднемъ

отдѣлѣ нашего труда. Сообразно своей задачѣ — рассмотреть литературную дѣятельность Марка Варрона — авторъ долженъ былъ раздѣлить свой трудъ, главнымъ образомъ, на два отдѣла, изъ которыхъ первый разсматривалъ бы біографію писателя, а второй — собственно его литературную дѣятельность. При разработкѣ втораго отдѣла мы увидѣли необходимость ограничиться лишь общимъ переборомъ свидѣтельствъ древности о т. с. внѣшней сторонѣ литературной дѣятельности Варрона; но, желая, вмѣстѣ съ тѣмъ, представить и посильный опытъ специальной разработки какаго нибудь отдѣла этой дѣятельности, мы остановились на произведеніяхъ поэтическихъ, изъ которыхъ самое главное мѣсто занимаетъ Мениппова сатура. Этотъ отдѣлъ выбранъ нами, преимущественно передъ другими, потому, что въ его разработкѣ шаткость метода, приложеннаго Западной наукой, видна яснѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ отдѣлѣ. — Не смотря на сравнительно значительное количество сочиненій, посвященныхъ въ послѣднее время разработкѣ Мениппей, ни одно изъ нихъ не свободно отъ произвольнаго обращенія съ разрабатываемымъ матеріаломъ. — Въ послѣдней главѣ нашего труда мы имѣли цѣлю ближе ознакомить читателя съ тѣми приѣмами, которыми руководятся ученые при изслѣдованіяхъ о видѣ и составѣ Менипповой сатуры. — Въ цѣломъ своемъ объемѣ эта глава должна была заключать, кромѣ розысканій о т. н. *genus Menippeum* и о содержаніи сатуръ Варрона, изслѣдованія объ ихъ внѣшней формѣ и критически установленный текстъ отрывковъ. Но, при дальнѣйшихъ занятіяхъ, мы увидѣли необходимость ограничиться лишь первымъ отдѣломъ — т. е. частью историко-литературной. Причины этому суть слѣдующія: уже не говоря объ отсутствіи возможности пользоваться рукописями непосредственно, мы не могли положиться и на сдѣланныя другими учеными коллація главныхъ изъ нихъ, потому, что видѣли ясно ихъ неполноту и даже неудовлетворительность; это видно нпр. изъ сличенія варьянтовъ Вольффенбюттельскаго

кодекса Нонія (W), приведенныхъ въ изданіи Базельскомъ—Герлаха и Рота, съ колыціей этого же кодекса, сдѣланной Кейлемъ, и которою пользовался Ризе. Необходимость же самостоятельнаго занятія рукописями мы увидѣли изъ того, что убѣдились, при изученіи отношеній къ тексту Западныхъ ученыхъ, единогласно держащихся въ данномъ вопросѣ требованій т. н. конъектуральной критики текста, въ шаткости и, мѣстами, несостоятельности этого конъектурального метода, нерѣдко совершенно отвергающаго единогласно установленное рукописное преданіе. Въ нашемъ вопросѣ отважность конъектуры увеличивается еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: большинство отрывковъ изъ Мениппей носить несомнѣнные слѣды метрической формы, рѣзко проглядывающіе сквозь, нерѣдко, весьма испорченное рукописное чтеніе. Изъ желанія возстановить эту метрическую оболочку, критики прибѣгаютъ къ самымъ насильственнымъ перемѣнамъ въ текстѣ: перестановкамъ, выпускамъ, измѣненіямъ, вставкамъ и т. д. Особенно рѣзко видна недостаточность конъектуральной критики въ трудахъ Репера. Этотъ ученый—одинъ изъ ревностѣйшихъ приверженцевъ мнѣнія, признающаго въ сатурахъ Варрона исключительное присутствіе стихотворной рѣчи. Основывая свои соображенія на произвольномъ толкованіи мѣстъ Квинтилиана и Проба, упоминающихъ вскользь о формѣ Мениппей, онъ приступилъ къ критикѣ отрывковъ, вмѣщая ихъ самымъ насильственнымъ образомъ въ метрическую форму, преимущественно — ямбы, къ которымъ, по мѣткому замѣчанію Цицерона, весьма близко подходитъ рѣчь прозаическая. Но какъ, при подобной критикѣ текста, великъ произволъ, доказалъ самъ же Реперъ, который нерѣдко одинъ и тотъ же отрывокъ облачаетъ въ 3 различныя стихотворныя формы, не зная, которой изъ нихъ отдать преимущество. Впрочемъ, отъ подобной же смѣлости не свободны даже и самые сравнительно, консервативные критики: Бюхлеръ и Ризе. Недостаточность рукописныхъ колыцій и слишкомъ широкое приложеніе конъектуральной критики текста привели насъ

къ сознанию необходимости собственныхъ занятій надъ рукописями; но, такъ какъ это, при настоящемъ положеніи, для насъ невозможно, то мы и опустили на время вторую, и, по нашему мнѣнію, самую важную часть нашего изслѣдованія. — Само собою разумѣется, что въ связи съ критикой текста должно стоять и лингвистическое его изслѣдованіе, равно какъ и близко соединенное съ нимъ метрическое. Мы вполне убѣждены, что, при тщательномъ занятіи рукописнымъ преданіемъ, можно прійти къ важнымъ результатамъ въ области древней лексикографіи, грамматики и метрики.

Будучи принуждены ограничиться лишь литературно-историческимъ изслѣдованіемъ Мениппей, мы выбрали текстъ отрывковъ, установленный въ послѣднемъ по времени, и самомъ лучшемъ изданіи Ризе. Впрочемъ, тамъ, гдѣ онъ уклоняется отъ манускриптовъ, мы отмѣчали ихъ чтеніе, выбирая преимущественно варьянты кодексовъ Вольфенбютельскаго (W) и Лейденскаго (L). Въ первомъ отдѣлѣ 3-й главы, мы остановились съ большею подробностью на слѣдующихъ пунктахъ: Послѣ краткаго обзорѣнія источниковъ, изъ которыхъ почерпаемъ мы фрагменты сатуръ, мы остановились нѣсколько обстоятельнѣе на жизни и сочиненіяхъ Мениппа; вслѣдъ за тѣмъ сообщили перечисленіе сатуръ Варрона, приводя при этомъ болѣе интересные и характерные отрывки; само собою разумѣется, что при этомъ выборѣ мы были вполне субъективны; очень можетъ быть, что нѣкоторые могутъ показаться ничтожными, равно какъ, съ другой стороны, другіе, болѣе интересные—пропущенными; соглашаясь съ этимъ въ частности, все же смѣемъ заявить, что все, самое характеризующее содержаніе сатуръ Варрона, на сколько его можно прослѣдить сквозь массу безсвязныхъ отрывковъ, нами отмѣчено. Считаемо долгомъ заявить, что при реальныхъ объясненіяхъ большимъ пособіемъ служилъ намъ превосходный комментарий Ризе. Въ заключеніе, два слова о переводахъ. Въ нихъ мы старались

быть какъ можно ближе къ подлиннику, который, представляя не рѣдко весьма запутанныя и своеобразныя выраженія, этимъ самымъ часто вліялъ на переводъ, въ ущербъ его гладкости; посему просимъ извиненія у читателя въ шероховатости нашихъ переводовъ, за вѣрность которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, ручаемся.

ГЛАВА I.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ МАРКА ТЕРЕНЦІЯ ВАРРОНА.

Древность не оставила намъ полной или даже нѣсколько связанной біографіи Варрона. Незначительное число, по большей части, отрывочныхъ фактовъ должны мы почерпнуть частью изъ сочиненій нашего автора, частью изъ случайныхъ упоминовеній позднѣйшихъ писателей. Постараемся сообщить все, что знаемъ о жизни нашего писателя.

Маркъ Теренцій Варронъ происходилъ изъ древняго плебейскаго рода; извѣстный Терентилъ Арса по всей вѣроятности былъ сородичемъ (*gentilis*) Варрона, и его плебейское трибунство доказываетъ принадлежность рода Теренціевъ къ плебеямъ. Прозвища Варроновъ получили предки Марка Теренція, по собственному его свидѣтельству ¹⁾, за то, что одинъ изъ нихъ, сражаясь въ Иллирикѣ, плѣнилъ и перетащилъ къ своимъ неприятельскаго воина, именемъ Варрона, и заслужилъ этимъ доблестнымъ подвигомъ прозвище (*cognomen*) Варрона, перешедшее и на его потомковъ. Относительно этимологіи самого слова Лидъ ²⁾ приводитъ свидѣтельство какого-то Гереннія о томъ, что прозвище Варрона по Кельтски значить: мужественный, по Финикійски же обозначаетъ Іудея. Самое имя рода Теренціевъ Варронъ ³⁾ производилъ отъ *terenum*, что на Сабинскомъ нарѣчьи значило: мягкое.

Нашъ писатель ⁴⁾ родился, по свидѣтельству Бл. Иеронима, заимствованному, какъ предполагаютъ ⁵⁾, изъ Светоніева: *liber de philosophis*, въ 638 г. отъ основанія Рима, въ Сабинскомъ мѣстечкѣ Реате (*Reate* и. *Rieti*—близъ *Foruli*), отъ чего и получилъ прозвище Реатинца (*Reatinus* ⁶⁾), въ отличіе отъ двухъ другихъ Теренціевъ—Комика и Атацинца (*Atacinus*). Неизвѣст-